На грани двух миров

Автор:
Дана Стар

На грани двух миров

Дана Стар

Дар видеть призраков – это моё проклятье и моя болезнь. Чтобы от него избавиться я превратился в отшельника, мечтающего о вечном одиночестве, пока моё одиночество не нарушила странная девушка, которая появилась буквально из ниоткуда. В ссадинах, царапинах и ранах… я обнаружил незнакомку в собственном чулане. Без прошлого, настоящего, будущего и даже без имени! Кто она? Девушка с волосами цвета осени… И почему её так одержимо ко мне тянет?

Дана Стар

На грани двух миров

Глава 1

Сегодняшнее утро выдалось чертовски холодным. Сразу видно пришла осень, грянул сезон дождей, штормов и ураганов. Мне ни капли не хотелось выбираться из-под тёплого одеяла. Так бы и пролежал в постели ленивым тюленем, если бы не услышал внезапный шум и раскатистый лай Грома.

Проклятье! Опять наверно какая-нибудь дикая животина в сарай прошмыгнула и теперь лакомится моими припасами на зиму. Хоть бы не хищник. В наших лесах

не сказать, что водится особо крупная дичь, но кабаны, признаюсь, там те ещё демоны. Одним ударом способны насквозь проломить черепушку.

Я быстро вскакиваю с кровати, хватаю куртку, наспех упаковываю ноги в валенки и мчусь на улицу, в сторону сарая. На выходе прихватываю самое главное – охотничье ружьё, оставшееся у меня в память от деда Тимофея.

На улице слякоть, холодно и моторошно, до рассвета ещё несколько минут. Там, на небе, тучи постепенно рассеиваются, уступая место слабым солнечным лучам. Море, на удивление, спокойное. При, хотя бы в меру слабом штиле, можно сегодня и порыбачить. Рыба лишней не бывает. Правда с холодами у берегов остаётся одна только мелочевка, а крупняк, который я обычно толкаю за хорошие деньги в местные рестораны, уходит туда, где потеплее.

Иногда я ловил себя на такой дурацкой мысли, что уж лучше бы я родился килькой, чем человеком. Потому что жить так, как жил я… было отвратительно.

Одинокий, никому ненужный отшельник, с даром проклятья, который преследовал меня по пятам как сама смерть с косой, мечтая насквозь проткнуть мою душу острым серпом. М-да… Эту химеру я заработал ещё в детстве, когда в меня, прямо на кладбище, ударила молния.

* * *

Я бежал по грязной глине, поскальзываясь и утопая в грязи, наблюдая за тем, как мой пёс по кличке Гром озверело бросается на дверь сарая, зубами пытаясь выдрать замок с мясом.

СТОП! Какой ещё замок?

Взгляд на створку, и я в шоке замираю, замечая, что там нет никакого замка. Его просто сорвали с петель и наглым образом бросили в лужу. И этот кто-то надежно забаррикадировался там изнутри.

– Гром! Место! Сидеть и ждать! – скомандовал псу, а сам приготовился таранить дверь с ноги. В руках плотно сжимается винтовка, пальцы дрожат на курке. Я мысленно считаю до трёх и со всей дури ломаю ставни, пока Гром буквально

извивается за моей спиной от лая.

Странно, но животина не выглядит уж очень агрессивной. Скорей всего он просто хотел мне что-то показать, а не нападать, защищая территорию. И это что-то было вовсе не чем-то. Это была девушка.

Грязная, в порванной одежде, она забилась в самый дальний угол сарая и, постукивая зубами, тряслась от холода. Из одежды на ней было лишь легкое платье и потрёпанная джинсовая куртка. Волосы грязные, покрытые пылью, в глазах – холод и страх. При виде оружия она задрожала ещё больше. Я почувствовал себя моральным придурком. Но радушия это сожаление мне не прибавило. Замухрышка пробралась на мою территорию. Нарушила границу моей крепости! А я терпеть не могу, когда кто-то лезет ко мне на рожон без предупреждения.

Снаружи послышался звонкий раскат грома, и незнакомка отчаянно всхлипнула, плотнее обхватив дрожащие, сбитые в кровь колени руками. Я поставил ружьё возле двери, а сам сфокусировался на её тощей фигуре, почувствовав привкус желчи на языке. Девчонка с виду была похожа на беспризорницу. Одежда грязная, местами порванная, на теле ссадины и порезы, в области лба огромная гематома, размером с апельсин, а на губах – запекшаяся кровь.

Кто же тебя так отделал, девочка?

А вообще, всё это неважно!

Важно лишь то, кто она такая и какого дьявола тут делает?

С каждой последующей секундой, глядя на преступницу, которая пересекла периметр МОИХ владений, я закипал как забытый на плите чайник. Того гляди, и пар из ушей повалит.

– Эй! Ты кто такая? И что ты делаешь в моём сарае? – заорал так дико, что сам испугался.

– Я… Я-я не знаю… – слабым голосом. – Не помню… Я просто замёрзла.

– Воровка? А? – ближе подскочил, кулаками угрожающее хрустнул. Девчонка ещё сильней вжалась в опору, но на меня жалость не действует. Я её давно в себе придушил. Поэтому и ненавижу людей. Зверея от ярости, я резко схватил голодранку за локоть и хорошенько встряхнул, буравя сердитым взглядом.

Выбесила меня, паршивка!

– Нет. Не воровка я! – с надрывом в голосе, глядя глаза в глаза. – Я не помню. Правда! Отпусти меня!

– Ах-ха-ха! – я надменно расхохотался, с силой сжимая тощую ручонку. – Не помнишь кто ты? Так отчего тогда смеешь утверждать, что ты не воровка?!

– Просто… Просто потому, что ничего не украла, – обиженно шепнула, опустив глаза в пол. – Мне чужого не надо. Я просто заблудилась.

Я брезгливо оттолкнул от себя замарашку, отряхнув ладони друг от друга. Врёт ведь. Сто процентов врёт!

Было дело, когда кучка беспризорников с ближайшей деревни ко мне в хату забрались. Я тогда настолько остервенел, что пулю каждому в пятую точку пустил. Хорошо, что эта была соль. Но сейчас… сейчас я перешёл на боевые. С каждым днём жить становится не на шутку опасно.

– Как тебя зовут, откуда ты? – на корточки присел, взглядом исподлобья по рыжим волосам полоснул. – Будет лучше, если сама признаешься, чтобы я в полицию просто так не звонил. Признаешься, и может быть я позволю тебе просто уйти.

Кажется, девчонка немного опомнилась. И у нашей потеряшки проявился характер, на пару с бесстрашием.

– Я не помню, как меня зовут! Ясно! – борзая, раскричалась тут до хрипоты. – Я вообще ничего не помню! Мне просто очень холодно… и у меня болит голова. А ты тут орёшь, как ненормальный!

Наглая, неотесанная прошмандовка! Через колено бы перебросил и нахлестал от души. А затем ещё и рот с мылом промыл, чтобы со старшими не огрызалась. Судя по всему, девчонка была младше меня на несколько лет. На вид, замарашке примерно двадцать два – двадцать три, не больше.

Так. Хватит! Достаточно уже пустого трёпа. Иначе сорвусь окончательно. А меня вывести, всё равно что перед акулой с куском сырого мяса проплыть.

– Я просто ненавижу чужих, – громко заявил. – Да и вообще в принципе ненавижу людей. Это моя территория. Я одиночка. А ты – убирайся! Пошла вон, – ногой с треском по полу топнул, прогоняя нахлебницу. – Здесь тебе не дом милосердия! Я сам еле-еле концы с концами свожу, постоянно одну рыбу жру. Тошнит уже! Иди туда, откуда пришла. Ещё раз увижу – в открытом море притоплю. На корм карасям.

Грязная, в подранном до дыр платье, которое когда-то было идеально белым, поверх которого была наброшена джинсовая куртка, прихрамывая и спотыкаясь на каждом шагу она, обхватив своё дрожащее тело руками, пулей выскочила из сарая и, не проронив ни единого звука, побежала в сторону берега.

– Эй! – окликнул. Всё же не выдержал, сжалился, добродетель блин. – На вот, возьми, – бросил полбуханки хлеба. Один кусок ей пожертвовал, другой оставил себе. Снова придётся за припасами хрен знает куда тащиться. – Возьми и забудь дорогу к моему дому. Навсегда. Я люблю одиночество.

Хлеб взяла, бережно так взяла, к груди прижала и снова зашаталась, как пьяный маятник, петляя из стороны в сторону, пока, наконец, не скрылась за старым разбитым пирсом.

– Вот ведь чудище заморское. Выползла на мою голову из глубин семи морей, – плюнул в песок, руки в карман спрятал и зашагал обратно в хату, довольный, блин, победитель.

Вот только радости никакой не было от этой «победы».

Лишь дикие кошки изнутри шкрябают, своими острыми когтями вырывая орган за органом, нерв за нервом. А потом плетут из этого добра клубки, которые с наслаждением гоняют по всем закоулкам моей сгнившей душонки.

Глава 2

Но девчонка и не думала сваливать. Так и знал! Стоило только пустить козла в город, и конец. Тот на милость всё до самой последней травинки выжрет. Сегодня полбуханки дашь, завтра уже целую потребует, а после завтра притащит роту беспризорников, которые задерут меня до дыр.

На следующий день я уже просто вызвал наши местные «правоохранительные органы». Ничего не стал объяснять голодранке, пусть с ней разбираются те, кто должен это делать по праву.

С рассветом меня снова разбудил раскатистые лай Грома. Я, естественно, сразу же догадался почему «ветра нет, но волны как прокаженные к берегу несутся». На улицу в валенках выскочил, злой как сам чёрт, потому что опять не выспался. Мельком в щель между досками сарая глянул, а там она сидит. И у меня дежавю в башке вспыхнуло. Да так вспыхнуло, что я чуть было заикой до конца своих дней не остался.

День начался один в один, как и предыдущий.

Да что ж ей всё неймётся. Ясно ведь дал понять, чтобы десятой дорогой мою избенку обходила!

С психу кулаками по дряхлым деревяшкам треснул, но тут же заставил себя остыть. Не, ну в самом деле! Не бить же мне девчонку, воспитывая, как дворнягу, чтобы выработать условный рефлекс на мои угрозы? А девчушка-то бесстрашная, кажется, не испугалась свихнувшегося рыбака и снова приплелась за добавкой в виде словесных тумаков.

В общем, бить девок – не моя фишка. Я хоть с виду и свихнувшийся на голову невменяемый псих-отверженец, но на самом деле, моё сердце ещё не полностью превратилось в острые рифы. Хай там закон по всем правилам разбирается, за землю я плачу, а избёнка моя приватизирована.

Местный «шериф», Степан Степаныч, явился только через час после звонка, и тут же мне всыпал люлей. Так сказать, за ложный вызов. Когда его старенькая «Нива», поскрипывая колодками, тащилась по размытым ухабам дороги, я снова заглянул в сарай, чтобы предупредить воровку, чтобы готовилась на выход «с вещами», а ещё, чтобы готовилась отвечать за свои поступки.

Раз предупредил, два предупредил… третьего уже не будет!

Взгляд в хлев – беспризорница сидит на том же самом месте, где и вчера сидела, поджав под себя тощие ноги, и с печалью в больших зелёных глазах обнимается с буханкой белого, с такой жадностью, словно это была не буханка, а кусок килограммового золота.

В чулане было тихо. Девчонка молчала. Молчала и дрожала, поглядывая на меня из-под густых опущенных ресниц. Всё, что я слышал – это завывание ветра, проникающего в щели между досками, противный скрежет зубов, по причине холода, и урчание голодного живота на весь сарай. А всё, что видел – взявшееся из ниоткуда чудище, перепачканное грязью, с которым теперь понятия не имел, что мне делать.

– Утро доброе, Владюша. Ну, и что у тебя тут такое срочное стряслось? Русалку что ль поймал? – хрипло расхохотался, старый алкоголик.

А мне вот было не до шуток. Я ночью плохо спал. Мне снова мерещились кошмары. А ещё будто кто-то вопил у самого утра. Жалобно так вопил, с надрывом. Будто помощи просил. Женщина вопила. Пришлось заглушить свои психи парой рюмок палёной сивухи. Спирт, конечно, это не моё, я за здоровый образ жизни, лишь изредка… и вот это «изредка» как раз настало вчера. Другого выхода, как справиться с припадком, у меня не было.

– Забирай её, Степаныч, шустрей давай! – кивком указал в настежь распахнутую дверь сарая. – Воровка! Уже второй раз ко мне в хлев забирается, нахлебница бесстыжая. Кто такая знать не знаю и не собираюсь. У меня тут не благотворительный фонд помощи малоимущим и обездоленным. Сам понимаешь. Поэтому делай свою работу и больше занимайся наведением порядка в своём ущербном городишке, а не брюхо пивом с утра до вечера набивай.

Улыбка вмиг испарилась с миловидного лица старичка, которое украшали усы с забавными завитушками, а на лысой голове покоилась почетная бескозырка. Обиделся, папаша, но я честно не хотел язвить. Просто уже в край всё достало! Достала моя грёбанная, однотипная жизнь без надежды на лучшие изменения.

Степаныч недовольно цыкнул и, важно поправив козырёк головного убора – его гордости, деловито зашаркал к сараю. Нырнул внутрь, и полминуты от него не было ни слуху, ни духу. А когда я его, недоуменного и непонимающего, вновь увидел на улице – взбесился ещё больше.

Что за ерунда? С утра пораньше и уже выпил?

Вот дед. Во даёт!

– Так кого забирать-то? – почесал седой затылок. – Где твоя эта… «особо опасная уголовница»? – зевнул, разгильдяй водочный.

Да он издевается?

Я его со злости за рукав дернул, да силу не рассчитал, а дедок, после вечерних посиделок у костра с корешами, совсем в рохлю превратился, чуть было носом в лужу не клюнул.

– Её блин забирай! Рыжую эту, нахлебницу.

– Ты парень что, того уже? Совсем в край тронулся? Или просто решил над стариком поиздеваться? – покрутил пальцем у виска, вырываясь из крепкой хватки. – Нет там никого. Шутник, блин.

От злости я практически превратился в бешеного быка. Видать, старый ещё не до конца отрезвел. И это он меня ещё алкашом называет! А сам? Сам-то до чего докатился?

Пулей в сарай заскочил, девчонку за шкирку схватил и вытолкал на воздух, не обращая внимания даже на то, что она несколько раз споткнулась, пока я её за собой следом тащил. Единственное на что я обратил внимание, так это на то, что рука у неё была очень холодная. Ледяная. Как у живой арктической статуи.

Вчера я не особо успел рассмотреть незнакомку, но сейчас заметил, что у девчонки, вроде бы, рыжие волосы и большие зелёные глаза, а ещё очень нежная, хоть и холодная, кожа. Вообще, с таким-то слоем глины трудно разобраться человек это, или животное. Но волосы, скорей всего, рыжие.

Незнакомка молчала, прикусив губу. Молчала и тряслась, как одержимая кем-то, или чем-то, или может считала, что я её на заклание тащу. Наружу вытолкал, прямо перед самым носом Степаныча встряхнул хорошенько, чтобы тот поскорей прозрел и разглядел девку получше, аль угар глаза застилает.

– Ну! Вот же она! – с силой за шкирку телепаю, а оборванка мычит, шипит и в ответ начинает сопротивляться, пытаясь дотянуться до моей руки, чтобы впиться по самую кость своими обломанными ногтями с грязью.

Старик кривится без доли юмора:

– Ну ты даёшь, малый! А я тебе говорил, что одиночество – похлеще водки, до добра не доведёт.

– Не понял? – повышаю голос. – То есть ты правда не видишь девчонку?

Устало пожимает плечами:

– Разве что в своём больном воображении… Так, Влад, иди-ка ты отоспись, а потом поговорим, ладно? Нельзя вот так вот молодому и красивому парню свою жизнь гробить. Причём, без причины, – хлопает по плечу, а у самого в убитых жизнью глазах во всю печаль пританцовывает. – Больше не шути так со мной, если дело несрочное. Я по твоей милости больше часа по разбитым ухабам мчался.

Он выждал паузу, с недоумением глянул на мою подвешенную руку в воздухе, которая так умело подёргивалась на весу, будто я действительно кого-то за шиворот таскал, а затем, отвесив честь у виска, шарахнулся от меня как от чумы:

– Всё, парень. Будь здоров! Увидимся.

Через секунду «шерифа» словно штормовым бризом сдуло.

Я вдруг вспомнил, что не один остался. Мириться с не одиночеством, капец как непривычно. Тогда до меня ещё не сразу дошёл смысл происходящего. А когда дошёл… мне просто захотелось привязать к шее петлю с камнем и с головой окунуться в открытое море.

– Пусти меня! Пустиии, дурак! Мне больно! – тонкий, но такой чистый, словно горный ручей, раздался голос отчаянно сопротивляющейся девчонки.

Я тут же ругнулся и отшвырнул обузу в сторону. Так, что она, не устояв на ногах, неуклюже впечаталась попой в грязь.

– Господиии! – за голову схватился, принялся ходить туда-сюда, изредка бросая на незнакомку полные ненависти взгляды. – Ну кто же ты? Ктооо?!

– Я ведь сказала, – протяжный всхлип. – Что не знаю!

– Ты просто врёшь! Блиииин! – булыжник с психу схватил и в сторону берега запустил. Отдышался. Голова кругом, мысли в разлом, и я не знаю, что делать с этой дрянью. Не хочу верить. Не хочу осознавать… Что моё проклятие вернулось.

– Ты вообще ничего не помнишь? – спрашиваю, но уже мягче.

По бледным, испачканным глиной щекам оборванки, катятся крупные слёзы.

– Нет, – качает головой, трёт глаза дрожащими кулачками. – А этот пожилой мужчина-полицейский? Почему ты не сдал меня ему? Я ничего не понимаю. Я запуталась. Я замёрзла! И у меня ужасно болит голова, – прячет глаза в ладонях, беззвучно рыдает.

Лицом к Рыжей поворачиваюсь и, теряя контроль, бью её своим чёрствым словом в самое сердце:

– Потому что ты умерла.

– Ч-что? – выглядывает через щель между ладонями.

В огромных зелёных омутах, помимо горьких слёз, клубится дикий страх, с примесью непонимания.

– Ты, «кем-бы-ты-не-была», умерла. Смирись с этим и уходи. Иди на свет, или куда вы там все должны валить! Но ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ!

– Что за бред? Ты не в себе! Ты чокнутый! Я всё ещё дышу, всё ещё вижу. Говорю! И я вижу море, вижу песок, я его кожей чувствую! И тебя я тоже вижу. И ты меня, чёрт подери, видишь!

Проклятье! Проклятье! Проклятьеееее!

Пулей подлетаю к девчонке, за локоть хватаю, со всей силы до синяков щипаю, чтобы доказать, что прав. Но я блин, напротив, ожидал обратной реакции. Сначала девушка, как бы защищаясь, немощно скорчилась, а затем вдруг взвизгнула от боли. А мои руки… они не растворились в её теле, не прошли насквозь, как должны были.

Тогда какого хрена я её вижу, а другие – нет?

– Я ведь не сумасшедший! Не сумасшедший! Не сумасшедшииий! – прочь от себя нечисть отталкиваю и кричу до крови в горле, волосы рву на затылке, расхаживая туда-сюда по мокрому песку, пока не осознаю окончательно, что я бодрствую, а не морально подыхаю в очередном ночном кошмаре. Девчонка отскакивает от меня будто резиновый мячик, падает на песок, бьётся головой и… больше не поднимается.

Замираю. Закрываю глаза. Делаю выдох, осознавая, что не сплю, что ЭТО снова начало преследовать меня по пятам.

Она ведь призрак. И это не шутка.

А я… Я тот, кто их видит.

Глава 3

Эта чертовщина случилась со мной ещё в подростковом возрасте, когда я, однажды, на летних каникулах гостил в деревне у одной из своих любимых бабушек. В тот день я заигрался с местными пацанами в домино, недоглядев кур, которые перелетели через забор и разбежались по всему селу. Одну даже задрали собаки, отчего баба Маша пришла в ярость. Схватив розгу, она гнала меня до края села, выкрикивая разные ругательства, а я удивлялся, как такая немолодая женщина с немалым весом может бегать быстрее проворного школьника?

Погода в этот день выдалась паршивенькой – небо затянуло свинцовыми тучами, местами накрапывал дождь, а там, в поднебесье, трещали грозовые заряды. От страха и пульсирующего в голове адреналина, я бежал так прытко, что у меня пятки в тумане сверкали, но бабка не отставала.

– Владька, паршиваееец окаянный! А-ну стой! Я тебя так отхлестаю, что месяц сидеть не сможешь!

Этого я и боялся. Поэтому сам не заметил, как до кладбища добежал. Заблудился. Кругом туман, а в тумане странные склепы мелькают, на которых, покаркивая, сидят чёрные, как уголь, вороны, и своими страшными глазами-бусинками отрывают от меня кусок за куском.

Этот день я запомнил на всю оставшуюся жизнь. И этот день оставил мощный отпечаток в моей психике. Как только я, со слезами на глазах, бросился в обратную сторону к бабе Маше, над головой раздался оглушающий хлопок, после чего в сознании всё завертелось, закружилось, покрылось мелкими пятками, а по телу прошёл сильный токовый разряд, мощностью в пару тысяч вольт.

Меня отбросило на несколько метров от того места, где я находился секундой ранее, и я чудом не упал на кусок разрушенного памятника. Ничего не понял. В ушах свистело, тело дрожало, а перед глазами двоилось. Уже потом, когда бабушка подхватила меня на руки, что-то шептала, шлёпала по щекам, щупала пульс и рыдала, я наконец, понял… Понял, что меня только что ударила молния. И я остался жив.

«Счастливчик! В рубахе на свет явился!» – шептали местные сплетники.

Без единой царапины, но с мощным испугом меня забрали в город на обследование. Ничего катастрофического не случилось. Врачи подтвердили, что я абсолютно здоров. Но они… ошибались. Может на уровне физиологии – да! Но вот на духовном… Было далеко не всё в порядке.

Своего первого призрака я увидел ещё тогда, в больнице. Женщина с разбитой головой. В тот день меня выписали домой. Стоя возле регистратуры, я вдруг заметил очень странную картину, как там, по лестнице, спускалась некая фигура… бледная, страшная, с полупрозрачной кожей. Точнее, не спускалась, а плыла. Взгляд пустой, потерянный. Она постоянно оборачивалась, кого-то звала, всматривалась в лица прохожих. Но никто не обращал на сумасшедшую внимания, а я даже рот от шока приоткрыл, когда незнакомка вцепилась в одного из прохожих и истошно завопила:

– Милый! Это я! Что происходит? Почему мне так холодно? Поехали домой…

Но вместо того, чтобы схватить его за руку, она поймала воздух. Тогда женщина попробовала обнять мужчину, но она просто прошла сквозь него, а мужчина в этот момент обливался горькими слезами, прижимая к груди красную лаковую сумочку. Оказалось, что эта женщина погибла в ДТП, а тот мужчина был её супругом.

Ошарашенный происходящим, я резко схватил маму за руку и спросил, видит ли она странную женщину с разбитой головой у которой кожа, как стекло? Она лишь устало отмахнулась, потому что в этот момент сосредоточенно заполняла какие-то бумаги в регистратуре и сказала, чтобы я перестал баловаться.

Жуткие галлюцинации можно было расценивать как последствия шока, или травмы, я ведь ударился головой. Но, к сожалению, эти последствия очень быстро переросли в хроническую болезнь. Точнее, в проклятье.

Так, каждый день я начал видеть эти странные фигуры, с жуткими увечьями. Взрослые и дети… Я видел их везде: в парках, на остановках, в зданиях, но чаще на дороге. Особенно возле тех мест на трассе, где стояли кресты.

Я пытался поговорить с мамой, но она не верила. А затем, когда я окончательно достал её со своими байками, мама потащила меня к психиатру. Врач конечно

же списал мой недуг на последствия травмы. Я понял, что ничего не смогу с этим поделать, и, если не притворюсь, что призраки оставили меня в покое, меня закроют в психушке. Наглухо и надолго. А я этого не хотел.

Шли годы, мой проклён крепчал. С каждым новым днём жить становилось всё хуже и хуже. Сначала я старался не обращать на погибших никакого внимания, потому что, когда я начинал присматриваться к нечистым, они замечали мой взгляд и тогда… тогда начинали следовать за мной по пятам.

Это было ужасно! Настолько ужасно, что невозможно выразить словами мои чувства.

В конце концов, когда мне исполнилось восемнадцать и я, отмучившись, закончил школу, решил уехать из шумного города, с надеждой затеряться в какой-либо глуши. Наши отношения с матерью после того злополучного дня уверенно шли под откос. Я стал больше замыкаться в себе, после школы запирался в комнате, никуда не выходил из дома. Наверно, именно поэтому мать схватилась за бутылку…

Пришёл тот день, когда моя нынешняя жизнь в край меня достала. Совершенно случайно на улице мне попалась одна странная женщина – гадалка. Она схватила меня за рукав и сказала, что я не такой как все… У меня дар. И этот дар одновременно и проклятье, и подарок свыше.

«Нет уж, спасибо! Такого «подарка» мне не надо!» – огрызнулся в ответ, но женщина не обиделась. Цыганка оказалась слепой. Вся в чёрном, она просто клянчила милостыню в подземном переходе, как вдруг, сказала, что может мне частично помочь.

«Ай, к бесу всё! Была не была! Мне терять нечего!» – отмахнулся я, согласившись на помощь.

Когда я пришёл к ней домой (это место сложно было назвать домом), она всучила мне в руку какую-то склянку с желтоватой жидкостью, пахнущую протухшим омлетом. Я её выпил. Ну и пусть травит! Мне уже всё равно. Я бы отравился только от одного запаха этой дряни, но с горем пополам выпил зелье до самого дна. А затем… просто потерял сознание.

Проспал несколько часов и всё это время думал, что меня уже разобрали на органы эти грязные бродяжки, проживающие в одном из самых страшных районов города. Однако Зульфия оказалась очень милой женщиной. И единственной, кто мне поверил, и кто хотя бы частично сумел мне помочь.

Когда я очнулся, то понял, что больше не слышу в голове страшные рыки, хрипы, завывания и стоны. До этого момента они душили меня круглыми сутками. Я искренно поблагодарил женщину, но та, в свою очередь, предупредила, что, если я снова вернусь в шумный мегаполис – проклятие вернётся. Теперь мне нужно держаться подальше от людей. Там, где люди – там страшный хаос, смерти, бойни. Именно поэтому среди всего этого «добра» обитает больше всего сущностей. Идеальное место, где минимум аномальных зон и порталов, через которые передвигаются «непокойные», – побережье дикого океана. В месте, в котором практически не ступала нога человека.

Она ткнула мне пальцем в карту, а я вздрогнул, удивляясь тому, насколько женщина, будучи слепой, попала в цель.

Так, через пару дней, я навсегда покинул родные края, превратившись в дикого отшельника. Мне было наплевать на своё будущее – его и так не было. А там, на берегу моря, я, наконец, обрёл внутренний покой.

С матерью мы общались редко. Я просто написал ей записку, объяснив всё, как есть, собрал вещи и ушёл из дома. Купил билет на самолёт, сделал две пересадки, а в сообщении для матери добавил: «Что со мной всё будет хорошо и не надо меня искать. Я уже взрослый и сам волен распоряжаться своей судьбой. Прости мама. И спасибо тебе за всё».

Наверно она подумала, что я на самом деле подсел на иглу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/star_dana/na-grani-dvuh-mirov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити